

А. В. Пигин
(ИРЛИ РАН, ИЯЛИ КарНЦ РАН)

Как Екатерина II в старую веру перешла

Образ Екатерины II в русском фольклоре известен, прежде всего, по многочисленным преданиям о «путешествующей императрице». Чаще всего в этих нарративах дается объяснение названия того или иного города или поселка, где во время своих путешествий побывала Екатерина: Херсон получил такое название, потому что императрице здесь плохо спалось; в Яхроме Екатерина споткнулась о камень и сказала: «Я хрома»; на месте города Конотопа «утоп» конь Екатерины и т. д.¹

Интересный материал к изучению фольклорного образа Екатерины дает старообрядческая традиция. Жанр статьи-комментария не позволяет предложить обзор старообрядческих нарративов об этом историческом персонаже, представлю лишь один из них.

В 1870—1890-е годы, с целью изучения истории севернорусского старообрядчества, несколько путешествий по Северу (по Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниям) совершил Симеон Гаврилов (1842—1917) — старообрядец-филипповец, составитель четырех крупных исторических сочинений — «Родословий» (1879, 1886,

¹ См.: *Виноградов В. В., Громов Д. В.* Легенды о путешествующей императрице // *Живая старина*. 2007. № 3. С. 4—7.

1893, 1896 гг.).² Опрашивая жителей северных скитов и пустыней по специально подготовленному «вопроснику», он тщательно записывал их рассказы об истории местных поселений, о нетленных мощах, чудесах и других достопамятных событиях. Некоторые записи носят характер единичных документальных свидетельств, другие являются по сути фольклорными текстами.

20 апреля 1896 года в деревне Вапна в Пинежском уезде Архангельской губернии от местного жителя-старообрядца Михаила Теплова Симеон Гаврилов записал предание о Екатерине II, вошедшее в «Родословие» 1896 года.³ Содержание первой его части составляет диалог императрицы с митрополитом Московским; его имя не названо, но, очевидно, имеется в виду Платон (Левшин) (1737—1812; с 21 января 1775 года — московский архиепископ, в сан митрополита возведен 29 июня 1787 года), пытавшийся примирить церковь со старообрядчеством благодаря введению единоверия. Оба, и императрица, и митрополит, согласно преданию, сходятся во мнении, что в России «вера неправая». Но на просьбу Екатерины II «исправить» веру, т. е. вернуться к дониконовским обрядам, митрополит отвечает:

² О Симеоне Гаврилове и его литературном наследии см., например: *Савельев Ю. В.* Северодвинский старообрядец Симеон Гаврилов и его рукописное наследие // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории русской культуры. Тезисы докладов международной научной конференции (13—17 сентября 1994 года). Петрозаводск, 1994. С. 86—89; *Щипин В. И.* Жизнь и труды старца Симеона Северодвинского // Жизнь Герасима Вошикова. Сочинение старца Симеона Гаврилова / Публ., предисл. и коммент. В. И. Щипина. М., 2010. С. 3—21; *Першина М. В.* 1) О методах сбора информации Симеоном Гавриловым для Родословия 1896 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 70—73; 2) Археологические разыскания северодвинского старообрядца Симеона Гаврилова // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI—XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 185—197; *Пигин А. В.* К изучению севернорусских преданий о старообрядцах (на материале сочинений Симеона Гаврилова) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 85—94.

³ Текст этого «Родословия» не опубликован, он сохранился в рукописи: НИОР БАН. Собрание В. Г. Дружинина. № 510.

«Желаемая государыня! Ежели мы будем исправлять, то нам и живым не быть». А она царица спросила: «Отчего же нам живым не быть?» А митрополит во ответ сказал: «Потому нам живым не быть, что нам, во-первых, народу от табуку не отучить, а второе дело, что благословения на священническое поставление взять негде, потому что священническая рука благочестивая истребилась. Надоть разве нерушимую священническую руку из мертвых воскресить или с небеси свести, а больше негде взять». Так тому времени быть. Того ради тогда царица Екатерина Алексеевна сняла с христиан двойную дань во всей России и дала волю христианом, кто как хочет, так и живи и держи свою веру.⁴

Данный текст является, таким образом, откликом на известный указ Екатерины II от 20 июля 1782 года об отмене двойного подушного оклада со старообрядцев и в целом на ту либеральную политику, которую проводила императрица по отношению к ревнителям «древлего благочестия». Известно, что многие старообрядцы были благодарны императрице за эту «милость». Так, в своем ответном письме петербургскому губернатору У. С. Потапову, сообщившему на Выг об указе императрицы 1782 года, выговский настоятель Андрей Борисов писал: «Радуемся и веселимся попремногу о произшедшей чрез вас к нам от великаго в мудрости и человеколюбии милостиваго всероссийскаго светила милостивой лучи, которою озарившися, мы ныне ликовствуем...».⁵

Однако симпатии Екатерины II к старообрядчеству этими мерами не ограничились. Императрица, а вместе с ней и митрополит,⁶ как утверждается далее в том же тексте, сами перешли в «христианскую» (т. е. старую) веру:

⁴ НИОР БАН. Собрание В. Г. Дружинина. № 510. Л. 130 об.

⁵ Цит. по: Юхименко Е. М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общезиельства. М., 2008. Т. 2. С. 329.

⁶ Мотив перехода митрополита Платона (Левшина) в старообрядчество мог бы стать предметом специального исследования, но в рамках настоящей статьи мы от него воздерживаемся.

И он (старообрядец Алексей Беляев. — А. П.) будто бы видал там в Питере в Косцовой в моленной, что там ей [царице] Екатерине устроено было местечко в моленной за заборочкой, чтобы к ней некому близко постановиться было нельзя. И будто бы она приезжала под тайным видом вечером в черном платье. И говорили про нея, что будто бы она ушла в христианскую веру, и будто бы и митрополит той тоже ушел в христианскую веру.⁷

Упомянутая здесь федосеевская Косцовая моленная в Петербурге, находившаяся близ Апраксина двора, была основана в 1767 году купцом Ф. Ф. Косцовым (1737—1804). Вскоре после смерти Косцова моленная сменила адрес, была перенесена в дом купца С. Апарина, где просуществовала до своего закрытия в 1842 году.⁸ У нас нет сведений о каком-либо интересе Екатерины II к этой моленной. Но показывать посетителям «местечко» императрицы «за заборочкой», разумеется, могли только в первом здании моленной, до ее переезда — следовательно, в начале XIX века предание о переходе Екатерины в старую веру уже существовало.

Другие фиксации этого предания нам неизвестны, но, несомненно, у него была своя «фольклорная история»: сложившееся, судя по всему, в Петербурге не позднее рубежа XVIII—XIX веков, оно проникло в северную глушь, где и было записано Симеоном Гавриловым спустя сто лет после смерти Екатерины. Стремившийся точно указывать имена своих «информантов», Симеон Гаврилов и здесь воспроизвел цепочку устной передачи текста: «...это сказывал нам Карп Микулин, [рече Михаил Теплов], что

⁷ НИОР БАН. Собрание В. Г. Дружинина. № 510. Л. 131.

⁸ О Косцовой моленной см.: *Кожурин К. Я.* Из истории федосеевского согласия в Петербурге // *Старообрядчество: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции.* СПб., 2009. С. 13—17; *Пивоварова Н. В.* Старообрядческая икона в историко-культурном контексте XVIII — начала XX века. Опыт систематического анализа. М., 2017. С. 33, 35.

сказывал ему, [Карпу], вышепомянутый Алексей Беляев<...>, и он будто бы видал там в Питере...».⁹

В тесной связи с анализируемым преданием находится вымышленная, созданная, вероятно, в старообрядческой среде «Речь» Екатерины II, произнесенная якобы на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 года.¹⁰ Близость содержания и общего смысла «Речи» и предания заставляет предполагать их генетическое родство. Оба текста построены как диалог Екатерины: в предании (в первой его части) — с московским митрополитом, в «Речи» — с членами Синода и Сената. В этой «Речи» императрица признала старую веру правой, а решения Собора 1667 года, наложившего на старообрядцев клятвы, — «извержением невежества, гордости, злобы, насильства и изуверства».¹¹ Истинными виновниками раскола являются, по ее мнению, патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, породившие своими безрассудными действиями справедливый народный протест, «великое народное старостояние».¹² Императрица несколько раз перекрестилась двуперстно и заявила, что не хочет принадлежать той Церкви, которая преследует старообрядцев. Ее предложение, обращенное к слушателям, — отказаться от клятв 1667 года и дать «русскому православному народу полную свободу креста и обряда».¹³ В ответ члены Синода убеждали императрицу, что такие действия поколеблют веру в непогрешимость Церкви и ее соборных решений

⁹ НИОР БАН. Собрание В. Г. Дружинина. № 510. Л. 131.

¹⁰ Текст издан: *К[арлович] В. М.* Исторические исследования, служавшие к оправданию старообрядцев. Черновцы, 1886. Т. 3. С. 6—36; Речь императрицы Екатерины Великой о старообрядчестве, сказанная на общей конференции Синода и Сената 15 сентября 1763 года. М., 1912. См. также: *Д[ьяконов] А. [П.]* Новое раскольническое сочинение: (Библиографическая заметка). СПб., 1886. С. 5. Памятник вошел в рукописную традицию старообрядцев (НИОР РГБ. Ф. 722. № 717 (последняя четверть XIX в.); Музей-заповедник «Кижы». КП-12466 (вторая половина XIX в.) и др.).

¹¹ *К[арлович] В. М.* Исторические исследования... С. 14.

¹² Там же. С. 32.

¹³ Там же. С. 16.

и лишат народ чувства страха перед правительством, что может привести к разрушению и Церкви, и Престола. Идя на уступку Св. Синоду, Екатерина в итоге ограничилась освобождением старообрядцев от двойного подушного оклада и запретом именовать их «раскольниками».¹⁴

В предании из «Родословия» Симеона Гаврилова собеседник Екатерины, московский митрополит, тоже приводит свои возражения на предложение Екатерины вернуть старую веру. Но его доводы отличаются от аргументов членов Синода в «Речи» и сформулированы скорее в духе учения старообрядцев-беспоповцев: «...нам, во-первых, народу от табаку не отучить, а второе дело, что благословения на священническое поставление взять негде, потому что священническая рука благочестивая истребилась». Вопрос о возможности сохранения священства являлся одним из ключевых в старообрядчестве; в зависимости от его решения старообрядцы разделились на поповцев и беспоповцев. Старообрядцы-беспоповцы полагали, что с реформами патриарха Никона церковная иерархия прекратила свое существование, к тому же после естественной со временем смерти священников дониконовского поставления благочестивая хиротония оказалась невозможна на практике, преемственность с древнерусской церковью была таким образом прервана. Тем не менее, идеи восстановления священства в среде беспоповцев обсуждались: так, в 1765 году в Москве поморцы (беспоповцы) вместе с поповцами рассматривали возможность поставления старообрядческого архиерея рукой мощей св. Ионы, митрополита Московского, или другого свяителя¹⁵ (ср. в предании: «нерушимую священническую руку из мертвых воскресить»).

Пристрастие к табаку, а также к чаю, кофе, мода на европейское платье, брадобритие, сквернословие — все это

¹⁴ Там же. С. 36.

¹⁵ См.: Юхименко Е. М. Беспоповцы // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 702–704.

также последствия отступления от древнерусских традиций в результате никоновских и петровских реформ. Трактовка табака как нечистого растения, выросшего из тела блудницы, или даже как антихристовой печати, а курения и нюхания табака — как «дела бесовского» — излюбленные темы старообрядческой письменности XVII—XIX веков.¹⁶

Анализируемое предание можно рассмотреть и в более широком контексте фольклорных и книжных текстов о царях-заступниках (помощниках, благодетелях), освободителях от социального гнета и религиозных притеснений. Широко известно выговское предание о том, как Петр I, совершая в 1702 году вместе с войском переход по Осударевой дороге и находясь недалеко от Выговского старообрядческого общежития, запретил разорять монастырь («Пускай живут»)¹⁷. В легендах о «возвращающихся царях (царевичах)-избавителях» герой после ряда испытаний (борьбы с правящим «подменным» царем и его окружением и др.) должен прийти к власти и осуществить социальные преобразования, освободить крестьян, наказать их притеснителей.¹⁸ Иногда в этих нарративах, отразивших исторические реалии XVII—XIX веков, присутствует и мотив борьбы «истинного» царя за возвращение старой веры. В старообрядческом «Сказании о царе Петре истинном и царе Петре ложном» на престоле восседает ложный царь Петр I, а истинный скрывается; в одном из эпизодов истинный царь является к староверам и призывает их на

¹⁶ См., например: Пигин А. В. К изучению демонологических сказаний о табаке: рукописная повесть конца XVIII — начала XIX века «о мнихе и о бесе» // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. М., 2012. № 1. С. 331—344; Бабалык М. Г. Рукописные сочинения о хмеле, матерной брани и табаке: проблема циклизации // Православие в Карелии: материалы IV научной конференции, посвященной 25-летию возрождения Петрозаводской и Карельской епархии. Петрозаводск, 2016. С. 291—303

¹⁷ Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. М., 2005. С. 113.

¹⁸ См.: Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011. С. 45—257.

борьбу с правительством и никонианской церковью.¹⁹ Образ царя, карающего «неправую веру», может встраиваться и в эсхатологические сюжеты. Так, в XVII веке свое учение проповедовал на Дону старообрядец-беспоповец Козьма Косой, полагавший, что «жития всемирного» осталось только пять лет, а затем некий царь Михаил (ср. с библейским «князем великим» Михаилом (Дан. 12: 1)) «очистит землю», и тогда всем «неверным» будет «скончание».²⁰ Мотив заступничества царя (реального или мифического) за старую веру в старообрядческой словесности имеет, таким образом, много вариантов.

Предание о Екатерине II в записи Симеона Гаврилова служит, помимо прочего, дополнительным свидетельством того, что взаимоотношения старообрядцев с властью не сводились к протесту и социальной борьбе, на чем акцентировала внимание отечественная историография XX века. Старообрядцы умели быть благодарны власти за ее милости и щедроты, порой зачисляя ее представителей в единомышленники и одноверцы.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ См.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 96—99 и след.; Пигин А. В. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006. С. 208—217.